

ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ ПОСЛЕ ПЕРЕХОДНОГО ПРОЦЕССА В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Е. Г. Консоло

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 июля 2011 г.

Аннотация: *в статье анализируются теории демократии, рассматривающие переходный процесс в ЮАР с точки зрения народного участия в политической жизни.*

Ключевые слова: *переходный процесс, либеральная демократия, представительная демократия, партисипативная демократия, транзитологическая модель политического процесса.*

Abstract: *the article analyzes theories of democracy, considering the transitional process in South Africa in terms of popular participation in political life.*

Key words: *transitional process, liberal democracy, representative democracy, participatory democracy, transitional model of political process.*

Выступление президента Ф. Де Клерка на открытии парламента в Кейптауне 2 февраля 1990 г. ознаменовало поворотный момент в борьбе за демократию в Южной Африке. В этот день президент Де Клерк снял запрет на существование организаций против режима апартеида, принял решение об освобождении Нельсона Манделы и других политических заключенных и объявил о начале открытых переговоров [1; 2] в Южной Африке, впоследствии – начала процесса либерализации и демократизации после многих лет политического конфликта между правительством и политическими уполномоченными белыми, с одной стороны, и освободительными организациями – с другой.

Политические элиты не согласились с новым порядком проведения переговорного процесса, конституцией, новой моделью демократии, а также с новым порядком разделения властей, государственной формы управления, свободы средств массовой информации, прав и обязанностей оппозиции [3; 4].

Первые нерасовые выборы, состоявшиеся 26–29 апреля 1994 г., стали историческим событием, означающим начало демократии и конец расовой олигархии. Южноафриканский опыт мирного перехода к демократии считается чудом. Он стимулировал интерес, в частности среди ученых и политологов, в приобретении знаний о возможности демократизации среди глубоко разрозненных слоев общества.

В отличие от государств, где демократия существует уже несколько десятилетий или даже веков, ЮАР воспринимает преимущества стабильной демократии как уникальный дар. С одной стороны, переход от

авторитарного режима был достаточно трагичным, и поэтому люди бережно относятся к своим вновь обретенным правам и свободам; с другой стороны, многие из соседних государств в Южной Африке не так успешно вели переговоры о переходе к демократии. Ангола, Зимбабве, Лесото, Свазиленд, не говоря уже о Демократической Республике Конго, Руанде и Бурунди, долго находились либо в состоянии неизбежной войны, либо не смогли консолидировать или учредить демократический режим. Мозамбик и Намибия, хотя и характеризуются политической стабильностью в настоящее время, прошли через разрушительные войны за независимость в прошлом.

ЮАР рассматривается как «особый прецедент» в Африке, так как она стала сильным государством с индустриальной экономикой и уникальным аппаратом управления, разработанными во время борьбы против апартеида, объединенными с целью обеспечения существования демократии.

После проведения первых выборов на основе всеобщего избирательного права в истории ЮАР наступил период, в котором содержание, направление и институциональная форма демократии были определены так, что их можно сравнить с переходами от авторитарного правления к демократии, произошедшими в Латинской Америке и Центральной Европе в конце 1980-х гг. О'Доннелл и Шмиттер сравнивали процесс демократизации в странах Южной Европы и Латинской Америки с 1974 по 1984 г. и пришли к некоторым общим выводам в отношении оптимальных условий, при которых произошли «успешные» переходы. Они исследовали причины кончины недемократических режимов, силы, которые продвигают и способствуют переходным процессам, и характер

новой политической системы взамен авторитарного режима. Более того, их объединяла общая идеология, которая нашла отражение в их понятии о том, к какому роду демократии должны стремиться те, кто ищет более справедливое общество. Их сравнительный подход разделил процесс перехода к демократии на разных стадиях – ухудшение авторитарного режима, либерализация, демократизация и укрепление демократии [5].

Даймонд, Липсет и Линц также рассмотрели ряд тематических исследований стран третьего мира, которые прошли процесс демократизации в конце 1980-х гг. Страны Восточной Европы, которые прошли через процесс демократизации в конце 1980-х гг., были также включены в такие сравнительные исследования, а в последнее время эти теории демократизации были применены и к африканским странам, в том числе ЮАР [4; 10].

Дю Туа, Ван Зил Шлабберт, Де Вилье и др. применяли транзитологическую модель политического процесса О’Доннелла при исследованиях событий в Южной Африке в период с середины 1980-х гг. и середины 1990-х гг. [8]. Этот подход рассматривал либеральную демократию как желаемый результат переходного периода, имеющий ряд последствий, как отмечает Гинзбург [5, р. 1]. Во-первых, национальное государство является единицей анализа в таких теориях, теоретики осуществляют сравнение между такими государствами. Во-вторых, осуществление прав человека, выборы и соперничество политических партий считаются основами переходного процесса. В-третьих, сторонники такого подхода обращают больше внимания на роль элиты в политических процессах, чем других слоев общества. Участие населения в политических процессах рассматривается либо на заднем плане, или как отрицательный фактор, который угрожает переходу к демократии. Политическая стабильность считается необходимой для успешного укрепления либеральной демократии. Таким образом, необходима демобилизация народных сил, которые в большинстве случаев играют важную роль в ускорении перехода к демократии [там же].

Переход считается завершенным после установления демократического режима, а укрепление демократии – после успешного проведения вторых политических выборов. Для некоторых теоретиков чередование партий у власти является «ключевым показателем» укрепления демократии [6, р. 18; 7, р. 266]. ЮАР считается одним из тех государств, которые прошли процесс демократизации, как было указано выше. Сам переходный процесс включает в себя народное восстание, когда народ считает, что он в состоянии бросить вызов и взять на себя управление государством [8].

В ЮАР народное восстание в 1985–1986 гг. ясно представляет собой один из таких случаев [там же].

В соответствии с теоретиками такой «момент» имеет решающее значение, так как он может привести либо к возврату авторитарной власти, либо к оказанию сильного давления на режим с целью устранить любые препятствия переходного процесса. Хотя некоторые теоретики считают, что народное восстание имеет большое значение в период переходного процесса, оно все равно является только временным эпизодом. Рано или поздно общественная эйфория стихает, напряженная политическая мобилизация не может быть устойчивой, происходит ужесточение мер безопасности, начинают проявляться внутренние разногласия среди людей [8, р. 3]. В соответствии с этим появляется устойчивый опыт народного участия в политической жизни.

Чрезвычайно высокий уровень народного участия, который проявляется в моменты народного восстания, по мнению либеральных политологов, является отклонением от нормы «обычной» демократии. Это основано на предположениях о времени и участии большинства людей в политической жизни. Но слишком часто опыт народного участия в такие революционные моменты или моменты народного восстания считается «опасным». Ибо народ всегда представляет собой опасность для ограниченной демократии – опасность, которая должна быть остановлена: «Крепкие клетки зарезервированы «либеральными демократиями» для людей» [9, р. 20–21]. Но в том, что касается транзитологических теорий, следует помнить, что «массы» сыграли значительную роль в процессе демократизации; демократические революции не являются работой одиноких героев. Это совокупность достижения десятков и сотен тысяч, иногда миллионов граждан, которые активно участвовали в общественном движении [10, р. 5–6].

Центральное место в заключительном этапе переходного процесса занимает нормализация политической обстановки: политические партии снова выступают как ключевые политические агенты. Освободительные движения, гражданские и другие квазиполитические организации должны превращаться в политические партии, приспособленные к участию в избирательной и парламентской политике [8, р. 4].

Тем не менее отношения между партиями и общественными движениями, государством и гражданским обществом, формальными и неформальными формами участия в политической жизни страны не так однозначны, как писал Дю Туа. Освободительные движения и общественные объединения в ЮАР не просто превратились в стабильные политические партии, хотя существовало значительное давление на них. Во время переходных переговоров в ЮАР стало необходимым подтверждение организационной и идеологической гегемонии АНК над радикальными

и незрелыми общественными движениями, возникшими в ходе повстанческого периода 1980-х гг. [5, p. 4].

Сущность и качество демократии, учрежденной в ЮАР после переходного процесса, не берется под сомнение. После 1994 г. было негласное предположение, что южноафриканское общество было демократическим и что либеральная демократия, которая была достигнута, была такой, на которую можно было только надеяться. На самом деле конституция, которая была составлена в 1994 г., включает в себя одни из самых прогрессивных либеральных концепций в мире, объединенных в ее билль о правах, которая справедливо рассматривается в качестве модели с точки зрения уровня закрепления идеалов плюрализма, всеобщей терпимости и защиты индивидуальных прав и свобод. Но она не охватывает радикальное понятие представительной демократии, которое было принято общественными организациями в 1980-х гг.

Давид Хелд разделил свои модели демократии на два основных типа: прямая или партисипативная демократия и либеральная или представительная демократия. Он определил первую как «механизм принятия решений о государственных делах, в котором граждане принимают непосредственное участие», а вторую как «механизм правления избранных «офицеров», которые берут на себя обязательство представлять интересы и/или мнения граждан относительно закона. Эти две модели не являются взаимоисключающими в реальном мире, и большинство демократических обществ содержат элементы обеих моделей [11].

Критики ограничения представительной демократии – особенно те, чья критика основана на неучастии «простых людей» в процессах, которые характеризуют такие демократии, часто обращаются к прямой или партисипаторной модели демократии в качестве альтернативных моделей. Но они рассматриваются не как единичные модели, которые должны быть реализованы, а скорее всего как ряд идей, которые могут быть приведены на практике в дополнение к существующим представительным процессам.

Для демократов с социалистической ориентацией движение за демократию неизбежно включает в себя экономическую демократию. Для некоторых это воплощение эксперимента рабочего контроля на месте производства, а для других – не меньше, чем изменение классово-основы государственной власти, другими словами, социалистическая революция. Активисты в 1970-х и 1980-х гг. любили ссылаться на ленинскую работу о критике капиталистической демократии, в которой он не только утверждал, что подлинная демократия может быть реализована только в бесклассовом обществе, но и подвергал резкой критике ограниченность представительной демократии. По его мнению, из-за условий капиталистической

эксплуатации современные наемные рабы, так измощены нуждой и нищетой, что «они не могут быть озабочены демократией», «они не могут быть озабочены политикой». А в обычном, мирном течении событий большинство населения отстранено от участия в общественной и политической жизни. Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых – это демократия капиталистического общества.

Маркс и Ленин обратились к критике Руссо представительной демократии. Руссо, в его чрезмерном презрении к парламентской демократии, увидел короткий момент свободы слова как единственный момент, в котором обычные люди испытывали свободу [12, p. 141]. Руссо и Ленин были в целом согласны в своей критике ограниченности представительной или буржуазной демократии, хотя Руссо выступал за то, что идеальная форма демократии является прямой демократией, а Ленин утверждал, что истинная демократия невозможна при капитализме.

Во времена холодной войны социалисты в Западной Европе, а также в Южной Африке обратились к этим критикам буржуазной демократии. В Южной Африке произошла своеобразная ситуация, которая была названа как «колониализм особого типа»; члены или сторонники Южно-Африканской коммунистической партии приняли теорию «двухступенчатой революции», т.е. сначала должна быть достигнута национальная демократия и только потом происходит социалистическая революция. Однако в конце 1980-х гг., как только общественные движения в восточном блоке высказались против недемократического характера социалистических обществ, мечты об альтернативных формах государственной власти и управления были заброшены.

В случае Южной Африки борьба была на самом деле за государственную власть, и все же в ней одержало победу освободительное движение за счет народных масс. Как утверждал Пшеворски, жертвовање эгалитарной политикой – или социальной и экономической демократией – это цена, которую приходится платить за политическую демократию при переходе от авторитарного правления. Второй этап «двухступенчатой революции» должен откладываться на неопределенное время.

Представление о демократии активистов, участвующих в борьбе против апартеида в 1980-х гг., было радикальным. По их мнению, демократия означает в первую очередь способность широких масс трудящихся участвовать и контролировать все аспекты своей жизни. Для них именно это является сутью демократии, а не какое-то либеральное, плюралистическое определение [13, p. 131].

Однако многие интеллектуалы в Южной Африке в начале 1990-х гг. понимали необходимость найти

компромисс при выборе подходящей для страны модели демократии.

«Либеральный консенсус» о форме демократии сопровождался «глобальным консенсусом» по поводу экономической структуры общества. Теоретики транзитологии в конце концов оказались правы в своих выводах о том, что успешный политический переход, как правило, сопровождается поддержанием экономического неравенства.

Политический переход в ЮАР был успешным и стабильным в его гарантии личной свободы и в его институционализации представительной демократии. Однако переход был менее успешным с точки зрения изменения баланса сил в обществе. И все же достигнутая демократия может по-прежнему обеспечивать основы, при которых властные отношения и неравенство в обществе могут быть оспорены, несмотря на ограничения, связанные с глобальной экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arnold G.* South Africa : Crossing the Rubicon / G. Arnold. – London : Macmillan, 1992.
2. *Sisk TD.* Democratization in South Africa : the Elusive Social Contract / TD. Sisk. – Princeton : Princeton University Press, 1995.
3. *Horowitz DL.* A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society / DL. Horowitz. – Cape Town : Oxford University Press, 1991.
4. *Lijphart A.* Power-Sharing in South Africa / A. Lijphart. – Berkeley : University of California, Institute of International Affairs, 1985.
5. *Ginsburg D.* Taking Democracy Seriously: Worker Expectations and Parliamentary Democracy in South Africa / D. Ginsburg [et al.]. – Durban : Indicator Press, 1995.
6. *De Villiers D.* Democracy, Democratization and Democratic Transitions / D. de Villiers. – University of Port Elizabeth, 2000.
7. *Huntington S.* The Third Wave : Democratization in the Late Twentieth Century / S. Huntington. – Norman and London : University of Oklahoma Press, 1991.
8. *Du Toit A.* 'South Africa as another case of transition from authoritarian rule' / A. du Toit. – IDASA Occasional Paper 32, 1990.
9. *Barber B.* Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age / B. Barber. – University of California Press, 1984.
10. *Diamond L.* The Democratic Revolution: Struggles for Freedom and Pluralism in the Developing World / L. Diamond. – Freedom House ; New York, 1992.
11. *Held D.* Models of Democracy / D. Held. – Stanford University Press ; Stanford California, 1987.
12. *Phillips A.* Engendering Democracy / A. Phillips. – The Pennsylvania State University Press ; University Park ; Pennsylvania, 1991.
13. *Lodge T.* All, Here and Now: Black Politics in South Africa in the 1980s. Ford Foundation / T. Lodge, B. Nasson. – David Philip Publishers, Claremont, 1991.

Воронежский государственный университет

Консоло Е. Г., аспирантка кафедры международных отношений

E-mail: jennyconsolo11@hotmail.com

Тел.: 8-904-210-03-51

Voronezh State University

Consolo E. G., Post-graduate Student of the International Relations Department

E-mail: jennyconsolo11@hotmail.com

Tel.: 8-904-210-03-51